

Глава 24. Умаслить его!

Е Шуанчэну то ли почудилось, то ли нет, но те несколько взглядов, что бросил на него Цзи Жучэнь перед уходом, явно отдавали подозрением.

И что же он заподозрил? Что Шуанчэн вовсе не приходится братом Е Чжэню? Или почуял, что тот нарочно подслушивал под дверь?

Не успел Шуанчэн и рта раскрыть, как Е Чжэнь резко развернулся. Юноша тут же понурил голову, всем своим видом выказывая кротость и покорность.

Е Чжэнь, заложив руки за спину, замер под сенью галереи. Несколько мгновений он молча буравил его взглядом, а затем бесстрастно спросил:

— Ты ко мне по делу?

Шуанчэн закивал и, робко вскинув глаза, заговорил со всей искренностью, на какую был способен:

— Брат, я правда всё понял. Виноват, каюсь. Клянусь, больше такого никогда не повторится. Прости меня, ну хоть на этот раз.

Подобные клятвы Е Чжэнь слышал уже не единожды. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он лишь глухо обронил:

— Ну так скажи, в чём именно ты виноват.

Шуанчэн густо покраснел. Запинаясь и путаясь в словах, он принялся тихо перечислять свои прегрешения. К концу его лепет окончательно сошел на нет, превратившись в едва различимое бормотание. Юноша залился краской до самых кончиков ушей. Переминаясь с ноги на ногу от невыносимого стыда, он жалобно, точно побитый щенок, протянул:

— Брат...

В ответ — ни звука. Лишь ледяное молчание.

Шуанчэн набрался храбрости и потянулся было к краю его халата, чтобы уцепиться за ткань, но Е Чжэнь ожёг его таким холодным, бесстрастным взглядом, что юноша тут же испуганно отдернул руку.

— Брат...

Он выглядел заплаканным, с припухшими красными веками. Уткнувшись подбородком в грудь и до боли закусив губу, он принялся яростно теребить подол собственной рубахи.

Глядя на эту несчастную картину, Е Чжэнь мысленно вздохнул. Сменив гнев на милость, он протянул руку и ласково взъерошил ему волосы.

— Ладно тебе. И переболеть успел, и наказание понес. Надеюсь, этот урок ты усвоишь накрепко. Хватит уже ребячиться и пороть горячку. Пора бы за ум взяться, тебе не кажется?

Шуанчэн мгновенно просиял. Печаль как рукой сняло. Он закивал так рьяно, словно хотел оторвать голову:

— Уж я-то уроки усваивать умею, лучше всех!

Подойдя ближе, юноша разглядел залегшие под глазами брата глубокие тени. В душу закрался стыд. И правда, раскапризничался как дитя малое, раздул бурю в стакане воды... Ведь если бы Е Чжэнь действительно не считал его родной кровью, то давно бросил бы в Биньчжоу на произвол судьбы, а не тащил бы за тридевять земель сюда, в столицу.

Глупо вышло. Обыкновенная ревность и мнительность на пустом месте.

Однако не успел Шуанчэн как следует обрадоваться, как улыбка сползла с его лица, словно присохшая маска.

— С сегодняшнего дня ты съезжаешь из Восточного двора, — бесстрастно продолжил Е Чжэнь.
— Объявляю тебе домашний арест на десять дней. И перепишешь «Наставление сыну» пять раз от корки до корки. Всё понял?

— Брат!

— Что такое? — приподнял бровь Е Чжэнь.

Взглянув на суровое лицо брата, Шуанчэн понял, что торговаться бесполезно — тот не шутил. Он обиженно прикусил губу и, покорно склонив голову, вымолвил:

— Слушаюсь.

В тот же день старый управляющий созвал целую ватагу слуг. С шумом и суетой они принялись перетаскивать нехитрые пожитки Шуанчэна на новое место.

Случись подобное раньше, Шуанчэн прыгал бы от радости — он спал и видел, как бы сбежать

из Восточного двора подальше от надзора Е Чжэня. Но теперь на душе почему-то скребли кошки, оставляя странный, тоскливый осадок.

Поскольку приказ исходил от самого хозяина дома, слуги из кожи вон лезли, чтобы угодить. Заложив руки за спину, Шуанчэн стоял у входа и безучастно наблюдал за суматохой. Люди сновали туда-сюда, но дело шло споро: вскоре новое жилище сияло чистотой, а каждая вещь заняла предназначенное ей место.

Старый управляющий, раздав последние указания, подошел к юноше и почтительно поклонился:

— Второй господин, всё готово. Можете располагаться.

Шуанчэн безучастно кивнул. Он посмотрел на ограду, где тянулись к небу несколько молодых магнолий. Тонкие деревца пересадили сюда совсем недавно по личному распоряжению брата, и они, на диво, прижились лучше прочих растений в усадьбе. Засмотревшись на нежные бутоны, он не сразу услышал тихий голос управляющего:

— Если второму господину больше ничего не требуется, мы, пожалуй, пойдем.

Юноша рассеянно угукнул. Старик махнул рукой остальным слугам, увлекая их за собой. Стоило последним слугам выйти, как за ними тяжело захлопнулась калитка, и снаружи сухо щелкнул замок.

«И тут брат подстраховался», — горько усмехнулся про себя Шуанчэн.

К нему неслышно подошел Цю Мин и виновато шепнул:

— Второй господин... Его превосходительство велел вам за переписывание приниматься.

Делать было нечего. Тяжело вздохнув, Шуанчэн переступил порог своего нового укрытия. Комната оказалась на удивление уютной, прибранной и пахла едва уловимой, прохладной свежестью. За высокой ширмой, расписанной туманными горными пейзажами, притаился изящный резной столик. На нем уже лежали приготовленные письменные принадлежности: стопка чистой бумаги, тушечница, кисти и раскрытый свиток — то самое злосчастное «Наставление сыну». Рядом тонкой струйкой курился фимиа в бронзовой курительнице. У стены выстроились книжные шкафы, ломившиеся от ровных рядов пухлых томов.

Шуанчэну показалось, будто он попал в какое-то смутно знакомое место. Он потер лоб, силясь ухватить ускользающую мысль, пока его не осенило: эта комната точь-в-точь походила на личный кабинет Е Чжэня. Не хватало разве что густого, терпкого аромата свежей туши, которым всегда была пропитана обитель брата.

Десять дней взаперти виделись ему бесконечной каторгой. Выбраться наружу сквозь запертые ворота нечего было и думать — духу не хватит лезть на рожон и злить брата пуще прежнего. Пришлось смириться и уныло корпеть над ненавистой бумагой.

К счастью, Е Чжэнь не был законченным тираном и милостиво позволил Цю Мину остаться присматривать за молодым барином.

В эти унылые часы присутствие верного слуги спасало от тоски. Шуанчэн раздраженно взмахнул кистью из волчьего волоса, расплескивая тушь, и разразился тирадой:

— Ну и скряга же мой братец! Мелочный, злопамятный сухарь! Стоило разок сболтнуть лишнего под хмельком, как он тут же упек меня под замок. Тоже мне, великий муж государства, столп империи! И не стыдно ему так над собственным братом издеваться?

Про себя он костил Е Чжэня на чем свет стоит, дивясь его двуличию. На людях — образец добродетели, строгий и благородный чиновник, а наедине с родней — сущий деспот, готовый за любую провинность сжечь со свету. Настоящий владыка преисподней, не иначе!

Цю Мин, старательно растиравший тушь у стола, укоризненно вздохнул:

— Грех вам на господина Е наговаривать, барин. На его месте любой бы из себя вышел. Одно дело по-тихому поворчать, а вы ведь тогда набрались до беспамятства и давай при челяди все грязное белье наружу вытаскивать! Вывалили всё, что надо и не надо. Тут у кого угодно терпение лопнет. Так что поделом вам наказание.

Шуанчэн оскорбился до глубины души и едва не швырнул кисть в наглеца:

— Ах вот ты как запел? Значит, поделом мне? Совсем страх потерял, паршивец! Вот возьму и продам тебя на Черную гору местному лешему в кабалу, будешь знать, как хозяину перечить!

Слуга лишь ухмыльнулся, но вдруг в ужасе округлил глаза. Ткнув пальцем в сторону занесенной руки Шуанчэна, он истошно завопил:

— Барин, барин! Берегись! Капает же!

— Чего?

Шуанчэн инстинктивно дернул кистью вверх, но было поздно. Тяжелая черная капля сорвалась с ворса и шмякнулась прямо на середину листа тонкой рисовой бумаги. Чернила мгновенно расплылись уродливой кляксой, беспощадно уничтожая плоды его многочасовых трудов. Изящные иероглифы превратились в мутное, бесформенное пятно.

— Мои труды! — истошно завыл Шуанчэн, хватаясь за голову. Он потратил столько сил, выводя каждую строчку, а теперь всё пошло прахом.

Цю Мин с несчастным видом уставился на испорченный свиток:

— И что теперь делать, барин?

Шуанчэн в сердцах швырнул кисть на стол, едва не залив чернилами всё вокруг, и заметался по комнате, заламывая руки от злости. Наконец, ткнув пальцем в потолок, он яростно рявкнул:

— Что делать? Да катись оно всё к чертям! Больше и пальцем не пошевелю!

<http://bllate.org/book/18190/1751667>